

СВАТОВСТВО И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЛОПАРЕЙ

осле всего сказанного нами о повседневных, будничных занятиях и развлечениях лопарей своевременно будет поговорить о разных торжествах и празднествах, прерывающих обычное течение жизни. Видное место среди таких торжественных событий занимают свадьбы со всеми относящимися к ним обрядам и увеселениями.

Собираясь вступить в брак, лопарский юноша прежде всего старается найти богатую девушку, владеющую многими оленями. Дело в том, что по лопарскому обычаю при самом рождении детям дарят некоторое количество оленей, весь приплод которых считается в дальнейшем личной собственностью детей, а не родителей. Невеста, имеющая достаточное количество этих животных, легко находит себе жениха. Мужская молодежь мало заботится о прочих достоинствах невесты, ни о ее добродетели, ни о красоте, ни о прочем, что привлекает мужчин на всем свете.

"Когда лопарь задумал жениться, – пишет Самуил Реен, – он заботится прежде всего о том, чтобы найти богатую невесту, т.е. такую, олени которой особенно многочисленный и удачный приплод. Поэтому, если у лопаря несколько дочерей с разным достатком, то именно за той которая имеет больше оленей, чем ее сестры, особенно настойчиво ухаживают юноши, не обращая никакого внимания на то, добродетельна она или нет, красива или безобразна".

Нет ничего удивительного в том, что люди, живущие в таком суровом климате, среди скудной природы, больше заботятся о пропитании, источником которого являются главным образом олени, чем о всем прочем. Владение большим стадом кажется им вернейшей гарантией избежать в дальнейшей жизни ужасов бедности и сопряженных с ней страданий, холода и голода.

Присмотрев подходящую девушку, что делается обыкновенно во время съездов лопарей на ярмарки или для уплаты податей, юноша отправляется к ее родителям, захватив с собой своего отца, чтобы при их содействии добиться согласия на брак. Приблизившись к шалашу, все, кроме жениха, входят в него, он же должен оставаться снаружи, делая вид, что занимается какими-нибудь мелкими работами, например сбором хвороста и т.п., до тех пор, пока его не позовут. Войти в шалаш без приглашения считается у них большим невежеством.

Иоанн Торней так рассказывает об этом: "Намереваясь вступить в брак, лопарь отправляется к жилищу девушки, которую он присмотрел, со своим отцом, сватом и другими людьми, на обязанности которых лежит вести переговоры с ее родителями или опекунами. При этом он берет с собой обыкновенно одну или несколько бутылок водки. Сват с прочими спутниками входит в жилище будущего тестя, отец же жениха стоит у входа

четвертью водки в руках и потчует ею присутствующих. Сам жених не должен входить в шалаш, а дожидаться снаружи, наподобие привратника или дворовой собаки. Если он дерзнет войти без приглашения, то совершает этим, по их понятиям, величайшую грубость и непристойность и может таким поступком расстроить все дело".

Выпив немного водки, сват приступает к делу, объясняя тестю цель их прихода, и просит его отдать дочь замуж за юношу. Получив согласие, он осыпает тестя самыми лестными эпитетами, какие только может придумать, и падает перед ним на колени, как перед каким-нибудь князем или властелином.

Продолжая свой рассказ, Торней говорит: "Он называет его великим и достопочтенным отцом, лучшим из всех отцов, славнейшим и мудрейшим, брякаясь все время перед ним на колени. Если ему (свату) случайно известен королевский титул "Величество", то он, не задумываясь, долго называет тестя и этим титулом. Мне лично приходилось присутствовать при всем этом и непосредственно все это видеть и слышать".

Выпивку, сопровождающую сватовство, они называют *pourist wiin*, т.е. вином счастливого посещения или *"soubo wiin"* – вином жениха. "Приходя к родителям невесты, – пишет Самуил Реен, – жених приносит с собой водку, чтобы почтить ею будущего тестя и тещу, что носит у них название *"pourist wiin"*, т.е. "вином счастливого прихода" или *"soubo wiin"*, т.е. жениховым вином, которым он выпрашивает разрешение переговоров с их дочерью и снискать ее расположение и любовь".

Строго соблюдается такой порядок, чтобы с невестой жених не смел говорить, не согласившись предварительно с ее родителями и чтобы на разговор с ней каждый раз спрашивал их согласия. По словам лопаря Олафа Маттисона, жених, войдя в шалаш невесты, должен сперва поздороваться с ее родными, которые позвали его, а потом уже с ней, после чего ему предлагается угощение.

Часто сама невеста во время сватовства удаляется из шалаша, чтобы ее не могли увидеть ни сам жених, ни его спутники. "На время этих переговоров, – пишет Иоанн Торней, – сама будущая невеста отсылается подальше в лес, где пасутся олени, или в другой шалаш, чтобы никто из гостей не мог ее увидеть".

После того как невеста или другая присутствующая в шалаше женщина получит разрешение говорит с женихом, он выходит наружу к своим саням и берет из них парадное платье из шерстяной материи, в которое лопари наряжаются в торжественных случаях, и остальные необходимые ему для дальнейшего предметы. "Закусив в шалаше, – продолжает Торней, – жених выходит к своим саням, берет оттуда парадное шерстяное платье, надевает его и спешит к своей подруге, чтобы приветствовать ее".

Это приветствие заключается в поцелуе, при котором лопари не только прижимают губы к губам, но еще и носы к носам. Без этого поцелуй считается у них ненастоящим. Поцеловавшись с невестой, жених делает ей подарки, преподносит изысканнейшие, по их мнению, лакомства – олений язык, бобровое мясо и т.п.

Невеста обыкновенно отказывается принимать их в присутствии всех окружающих. Тогда жених, имеющий уже основание думать, что его предложение принято, тайком вызывает ее из шалаша и там спрашивает ее, позволит ли она ему спать с нею. Если невеста отвечает утвердительно, то считается, что соглашение о браке состоялось, и жених тут же и преподносит свои подарки, которые до этой минуты он прячет у себя за пазухой.

В случае отрицательного ответа, он бросает их к ее ногам. Однако окончательное заключение брака оттягивается иногда после этого еще на долгое время – на год, на два, а то и на три.

Причина столь долгого жениховства заключается в том, что за этот период времени жених одаривает подарками родителей и всех родственников своей будущей жены, стараясь снискать их расположение. Самуил Реен так говорит об этом: "Жених, ухаживающий за дочерью богатого человека, должен одарить ее родителей и всех влиятельных родственников, каждого в определенной доле. Эта доля называется у них "реск". Самая меньшая доля равняется 2 серебряным маркам, т.е. 6 унциям серебра, но есть и гораздо большие – до 20, 40 или даже 60 унций". В чем заключаются эти подарки я расскажу далее, т.к. они никогда не делаются деньгами, а разными вещами и тому подобным.

Понятно, что пока жених справится со всеми этими подношениями, уйдет немало времени. В ожидании свадьбы жених часто навещает свою возлюбленную и по дороге к ней часто услаждает себе дальний путь любовными песнями. Эти песни поются не на какой-нибудь определенный мотив, а каждый раз по-новому, как кому за-благо рассудится, да и слова их каждым певцом подбираются по собственному желанию и вдохновению.

Образчик одной любовной песни сообщил мне лопарь Олаф Маттисон. Вот эта песня.

Олень мой, Кульназатц,
 Маленький мой олень,
 Надо нам спешить,
 Предстоит нам дальний путь
 По болотам и просторам равнин,
 И песен не хватит нам.
 Не томи меня, болото Кайга,
 Тебе, топь Кайльви, кричу: "Прощай".
 Много мыслей теснится во мне,
 Когда я еду по болоту Кайге.
 побыстрее и полегче несись, олень мой,
 Чтобы скорее добраться туда,
 Где увижу я милую мою.
 Смотри хорошенько вперед,
 Олень мой Кульназатц,
 Неужели не видишь ты, как она умывается?
 Какими любовными песнями
 Они подгоняют в пути оленей влюбленным?
 Всякая дорога кажется бесконечной и несносной.

Другие песни поются в разлуке с любимой девушкой; в них оживляется в памяти ее образ и восхваляется

ее красота. Тот же Олаф Маттисон сообщил мне и другую песню.

Солнце ясное, озари болота Орре.
 Если б мог я,
 На вершины пихт взобравшись,
 Вновь тебя увидеть,
 О болото Орре,
 Я бы не замедлил,
 Ведь среди цветов его
 Гуляет моя дорогая.
 Я б туда помчался,
 Разрубая ветви, зеленые ветви.
 Вслед за облаками я б туда помчался
 К заветному Орре,
 Если б мог,
 На крыльях я б туда помчался.
 Но, увя, нет крыльев,
 Нет чирковых крыльев,
 Нет и ног гусиных,
 Чтоб могли помочь мне
 До тебя добраться.
 Ты ждала так долго,
 Столько дней прекрасных,
 Лучших твоих дней.
 Ты меня искала милыми глазами
 И любимым сердцем.
 Если убегаешь от меня далеко,
 Все-таки тебя наконец достигну.
 Что сильнее вяжет, чем стальные цепи?
 Так любовь нам вяжет мысли и желанья.
 Мотыльков желанья –
 Это только ветер,
 Юноши желанье – в неотступных думках.
 Если бы я думам этим предавался,
 Я сошел бы скоро с верного пути.
 Но одно я знаю, я придумал способ,
 Как тебя найти.

Эти песни лопари называют "Morsefaurog", т.е. свадебными песнями, и поют их, как я уже говорил, не на какой-нибудь определенный мотив, а как кому заблаго рассудится.

При каждом посещении жених привозит с собой водку и, как особенно ценный подарок, табак. В случаях, когда родители невесты уже после обручения откажут жениху, он обращается в суд, требуя с них возвращения ему всех расходов, связанных со сватовством и раздачей подарков. Не подлежит возвращению лишь стоимость той водки, которою жених потчевал присутствующих при начале сватовства.

Подобный иск со стороны жениха о возмещении убытков не представляется лишь в том случае, если он сразу получил отказ от родителей девушки, за которую он сватался. Впрочем, такие категорические отказы встречаются редко, в большинстве же случаев родители, не собирающиеся выдать свою дочь за данного человека, лишь оттягивают окончательный ответ с года на год.

"Часто случается, – пишет Иоанн Торней, – что отец девушки вовсе не собирается выдать ее за данного жениха, но тем не менее прямо не отказывает ему, рассчитывая попойнствовать на его счет, и оттягивает окончательный ответ с года на год, словом, до тех пор, пока

одураченный жених не поймет, что его морочат и не станет требовать возвращения ему напрасно понесенных расходов. В таких случаях дело обыкновенно доходит до суда, который и приговаривает родителей к уплате жениху всей требуемой им суммы или ее половины, смотря по обстоятельствам дела. Следует, однако, заметить, что расходы, связанные с угощением всех присутствующих водкой в самом начале сватовства, не подлежат возвращению и падают исключительно на жениха.

Если же жених сразу получил от родителей невесты категорический отказ и, несмотря на это, пытается сломить их упорство щедрыми подарками и т.п., то делает это уже на свой страх и риск и без права требовать какого бы то ни было возмещения убытков".

Когда согласие на брак дано и выполнены все описанные нами обрядности, родители назначают день свадьбы. Накануне этого дня в то место, где живет семья невесты, собираются все родственники и близкие невесты и жениха, и последний подносит всем условленные ранее подарки. "Жених, – пишет Самуил Реен, – должен подарить тестю в знак уважения серебряный кубок, первый из свадебных подарков, называемых у них "stucke".

Второй подарок – большой котел, медный или чугунный, третий – постель, т.е. оленье шкуры, из которых устраивается у них постель. Теще жених подносит: во-первых, серебряный пояс, во-вторых, парадное платье, так называемое "volpi", в-третьих, ожерелье, украшенное серебряными кружками и шариками, которое лопарки носят на шее и на груди, известное у них под названием "krake". Кроме того, братьям, сестрам и родственникам невесты он дарит серебряные ложки, украшения, серебряные шарики и т.п. Каждый из них обязательно должен получить что-нибудь от жениха, т.к. в противном случае за него не выдадут девушку". На следующий день играют свадьбу, сначала венчаются у священника, а затем устраивают свадебный пир. Жених и невеста наряжаются в свое лучшее платье, сшитое специально к этому случаю. Пользоваться чужой одеждой, взятой напрокат, считается у них неприличным и позорным. То же относится и к прочим украшениям – кольцам, цепочкам и т.п..

Олаф Магнус так описывает наряд жениха: "Жених, разодетый в рысьи или собольи меха, шествует как какой-нибудь венецианский патриций, причем ценность мехов также говорит о его богатстве, как в других странах драгоценные камни и золотые цепочки".

Костюм, расписанный Олафом Магнусом, может быть, и соответствовал обычаям современной ему эпо-

хи, хотя сильно сомневаюсь, чтоб лопари вообще когда-нибудь одевались в собольи и рысьи меха. Во всяком случае, в наше время они не носят ничего, кроме оленьих шкур, парадное же их платье, как мы уже говорили раньше, делается из шерсти. "Лопари так любят цветные шерстяные ткани, – говорит Иоанн Торней, – что накапают их, насколько позволяет им достаток, и шьют из них свое парадное платье".

Из этих слов современного нам автора ясно, что и во время свадьбы лопари наряжаются в шерстяное платье, а не в меха. Разряженный в свое лучшее платье жених подпоясывается серебряным поясом.

Невеста распускает по спине волосы, связанные до этого на голове лентой, которую она дарит девушке – родственнице. На голову поверх распущенных волос она надевает одну или две серебряных, позолоченных перевязи, напоминающие венцы, употребляющиеся в других местах при венчании, и стягивает талию серебряным же поясом. Изредка невеста прикрывает голову еще и полотняным платком, что делают иногда и другие женщины, желая казаться особенно нарядными. Так выглядит наряд современной лопарской невесты.

Старинное описание Олафа Магнуса и тут отличается от нашего. "Невесту, – пишет он, – убранныю в горностаевы и собольи меха, усаживают на оленя". В наши дни жених и невеста, оба в подвенечном платье, отправляются венчаться в церковь или к священнику.

В старину дело было иначе, если верить Олафу Магнусу, так как, по его словам, венчание происходило дома и совершалось не священником, а родителями. "В присутствии друзей и родственников, – пишет он в своем сочинении, – родители сочетали браком своих детей огненным обрядом, т.е. высекая железом огонь из кремня". По-видимому, эти сведения были позаимствованы им у Циглера, у которого встречаются такие строки: "Сами сочетают их браком, символизируя это высеканием огня из кремня при помощи огнива, т.к. считают, что нет ничего, что бы лучше выражало сущность брачного таинства. Как в кремне таится невидимо скрытый огонь, который вспыхивает при ударе, так и в обоих брачующихся дремлет скрытая жизнь, пробуждающаяся при совокуплении и передающаяся потомству".

Как видно из этого сопоставления, Олаф почти в точности повторяет слова Циглера. Он прибавляет лишь, что невесту усаживают затем на оленя: "Обвенчавшись вышеописанным огненным обрядом, невеста, убранныя в горностаевы и собольи меха, усаживается родственниками

и теснящимися вокруг нее близкими друзьями на прирученного домашнего оленя и с пляской и песнями, сулящими ей здоровье и плодovitость, отвозится на брачное ложе".

Боюсь, что все это Олаф почерпнул из досужей молвы, не проверено фактами, потому что, во-первых, на оленях, как мы уже неоднократно говорили, никогда не ездят, как на верховых лошадях, и, во-вторых, потому, что он не указывает, откуда увозят невесту.

Дело в том, что увозить ее из дома родителей не имеет смысла, т.к. именно там начинается и заканчивается все торжество, да и само брачное ложе находится там же. Нельзя также предположить, что невесту увозят из какого-нибудь другого жилища, т.к. каждая семья живет обыкновенно только в одном, а не в нескольких, допустить же, что ее увозят не из родительского дома, а из другого места, нет оснований. Главное же, такой увоз не имеет смысла потому, что, как мы уже сказали, само брачное ложе находится в том же самом жилище.

В наше время зимой невесту действительно увозят из родного дома, но только в церковь или к священнику, если до них далеко, и притом не верхом на олене, а в санях, запряженных оленями. Свадебный поезд, направляясь в церковь, строится в определенном порядке. Впереди идут мужчины, за ними женщины. Во главе всего шествия идет лопарь, называемый у них "outomwatze", т.е. предводитель шествия, за ним следует жених, а затем все остальные. Несколько девушек идут впереди невесты, за ними следует она сама, влекомая под руки мужчиной и женщиной, а дальше все остальные.

При этом, по Самуилу Реену, невеста должна упираться и делать вид, что ее насильно тащут венчаться, лицо ее должно выражать отчаяние и горе. Так же описывает свадебное шествие и Иоанн Торней, но только, по его словам, невесту ведут не мужчина и женщина, а двое мужчин, обыкновенно отец ее и брат, если они живы, в противном случае ближайшие родственники. "Следует заметить, – пишет он, – выражение тоски и печали в лице девушки, которую отрывают от отца с матерью и отдают под власть мужа. Ее ведут отец и брат или, если она сирота, ближайшие родственники. Она идет повесив голову, как жертва на заклание. Когда в церкви священник спрашивает ее, согласна ли она выйти замуж за того человека, с которым она венчается, она стоит как немая и молчит, пока родные не уговорят ее дать ответ. Но даже и тогда она произносит его таким тихим и робким голосом, что священник едва слышит ее.

Соблюдение всего этого считается у лопарей признаком чистоты и невинности невесты, несмотря на то, что в действительности она, может быть, очень любит

своего жениха и рада выйти за него замуж".

Привожу здесь изображение невесты, которую двое мужчин ведут в церковь.

За венчанием следует свадебный пир. Он устраивается в доме родителей невесты. Каждый из его участников сам приносит с собой угощение для этого пира накануне, т.е. к моменту раздачи женихом подарков.

Пища поступает в распоряжение хозяев в сыром виде, и они уже должны позаботиться о том, чтобы приготовить ее к пиру. Все же большая часть ее доставляется родителями жениха и невесты.

Во время пира на первом месте сидят молодые, а по бокам от них – остальные родственники и друзья. Угощение пирующие берут не сами, а получают из рук лопаря, играющего роль повара и распределителя пищи. Каждым кушаньем он потчует сперва молодых, а потом уже и всех остальных присутствующих.

Мальчики и девочки, не помещающиеся в тесном шалаше, взбираются на крышу и оттуда, через отверстие в ней, закидывают вниз удочки с крючками, на которые им нацепляют куски мяса и т.п., чтобы и они могли насладиться пиром. Покончив с едой, пирующие, по своему обыкновению, благодарят Бога и протягивают друг другу руки.

Пир заканчивается выпивкой. "После этого, – пишет Самуил Реен, – начинают покупать водку у того, у кого она есть, сперва родители жениха, потом невесты, а там и все остальные". Впрочем, это бывает обыкновенно только у более зажиточных лопарей или же в случае, если среди пирующих находится человек, у которого запасена водка для продажи; остальные взамен этого ус-

лаждаются оживленной беседой.

То, что сообщает Олаф Магнус о струнных инструментах и танцах, по-видимому, совсем неправильно. "Народ этот, – пишет он, – живущий под сумрачным и холодным небом севера, устраивает шумные пиры, увеселяя пирующих игрой на гуслях, под звуки которых они пляшут и поют на родном языке песни и сказания о подвигах великанов и героев, о доблестях предков, изображая древние события с таким воодушевлением и жаром, что певцы иногда со слезами и стонами валяются на землю".

Многим может показаться, что это описание скорее относится к древним норманнам, а не к лопарям. По крайней мере в наши дни у лопарей не сохранилось ни малейших воспоминаний о чем-либо подобном. Гусли и вообще какие бы то ни было музыкальные инструменты лопарям совсем неизвестны; над танцами же и плясками они смеются, как над величайшей нелепостью. Что касается сказаний о древних героях и великанах, то не только этого, но даже вообще каких-либо пре-

даний о том, что было хотя бы за сто лет до нашей эпохи, и в помине нет у лопарей, по словам студента-лопаря Олафа Маггисона.

Мне совершенно непонятно откуда взял это Олаф Магнус, тем более, что ни о чем подобном, насколько мне известно, кроме него не упоминает ни один автор.

По окончании свадьбы молодой еще не имеет права увести свою жену из родительского дома, а должен отработать у тестя в течение целого года. По истечении этого срока он, если пожелает, может основать свой собственный отдельный домашний очаг. Тогда отец выдает уходящей из дому дочери ее приданое, т.е. всех оленей, которыми она владеет с детства, с их приплодом, а также и много разных других вещей, необходимых молодым, как, например, домашняя утварь, новое жилище, постели, серебро, медь, чугуны и т.п.

Нередко девушка получает сотню, а то и больше оленей. Родственники же вслед за отцом также одаривают теперь жениха за сделанные им при обручении подарки

с таким расчетом, что получивший от него одну или две серебряных марки дает ему взамен их одного или двух хороших оленей. Таким образом, лопарь, женившийся на дочери богатого человека и в свое время хорошо угодивший своими подарками родственникам невесты, получает иногда за женой очень хорошее приданое.

Мы изложили здесь главнейшие свадебные обряды и обычаи, распространенные среди лопарей. Остается лишь заметить, что у лопарей запрещается вступать в брак с близкими родственниками, а также брать вторую жену при жизни первой или вообще иметь несколько жен одновременно. Развод также совершенно неизвестен им. "Про многоженство и разводы, – пишет И. Торней, – ничего не слышно у лопарей и никогда не было слышно даже еще и в языческую эпоху. Брак они соблюдают свято и нерушимо, как подобает всем христианским народам".

Впрочем, в отдаленные времена у них, кажется, существовал обычай уступать своих жен гостям и чужест-

ранцам. Так, по крайней мере, говорит Герберштейн в своей "Московии", слова которого я приведу в следующей главе.

Но даже и в наше время один пример подобного рода приводит Иоанн Торней, хотя тут же сам и выражает сомнение в его подлинности. "Мне рассказывали, – пишет он, – что при моем предшественнике один распутный лопарь из Лулеоской Лаппмарки воспользовался гостеприимством другого – жителя Торнеоской области, человека в высшей степени честного, грамотного и настолько добродетельного, что насмешники в шутку называли его "епископ Цуан". Остановившийся у него лулеоский лопарь, напившись, пьяным попытался ночью пробраться к его жене и вступить с ней в половые сношения. Заметив это, Цуан позвал случившихся тут же коронных целовальников (торговцев водкой) и рассказал им о всем происшедшем. Услышав это, они взяли лопаря, вытащили его из шалаша и привязали его там к дереву, где он полуголый и провел всю ночь, коченея от

холода, т.к. дело было зимой. Боясь совсем замерзнуть, лопарь этот пытался откупиться деньгами и в извинение свое говорил, что у них в Лулеоской Лаппмарки существует такой обычай, согласно которому хозяин, пригласивший к себе гостя, дает ему спать со своей женой".

Приведя этот рассказ, Торней справедливо замечает, что, по его мнению, этот распутный человек мог просто выдумать все это для оправдания своего поведения, тем более, что никто другой не замечал ничего подобного у лулеоских лопарей.

Что касается других, то у них и речи не может быть о подобном обычае, т.к. многие из них, напротив, настолько ревнивы, что не терпят даже, если жена их просто взглянет на кого-нибудь другого.

"Лопари, живущие по реке Торнео, в сторону Норвегии, – пишет тот же Торней, – такие ревнивцы, что сразу же начинает подозревать жену в чем-нибудь дурном, если она, встретившись с кем-нибудь по дороге, перемолвится с ним двумя-тремя словами".